

Чу Даньфэн посмотрел на яркую луну, висевшую за окном, и бесстрастно произнес: — Ещё хоть слово — и я надеру тебе задницу.

Но младший сородич ни капли не испугался этой угрозы. Напротив, он протянул свои короткиие ручки, крепко обнял Чу Даньфэна за талию и заканючил, пускаясь на хитрости: — Сюань-эр боится спать один, умоляю, побудь со мной, старший брата.

Ребенок в объятиях оказался неожиданно мягким — словно идеально подогнанная диванная подушка. От него исходил легкий молочный аромат, действовавший еще более усыпляюще. Чу Даньфэн сонная пелена затуманила мысли, и он подумал: «Ладно, всё равно безумно хочется спать».

Из-за этого его возражения постепенно стихли, последние слова стали совсем неразборчивыми, превратившись в невнятное бормотание во сне.

Дождавшись, пока Чу Даньфэн снова крепко уснет, Хуа Тинсюань осмелел и откинул воротник его нижней одежды, прильнув щекой к его груди. Кожа там была нежной и гладкой — без зловещих шрамов, оставленных Черной Жемчужиной Душ, и без мертвящего ледяного холода, преследовавшего их последнее столетие. Она теплая и ровно вздымалась. Хуа Тинсюань глубоко вдохнул аромат, принадлежавший старшему брату, и только тогда спокойно закрыл глаза, жадно и крепко прижимаясь к Чу Даньфэну своими короткими ручками.

Хуа Тинсюань впервые подумал, что быть ребенком, пожалуй, неплохо — можно вполне законно обнимать старшего брата.

У старшего брата такая мягкая талия.

Большой и маленький спали до полудня.

Чу Даньфэн ощутил лишь одно слово: «Блаженство!»

Он уже целую вечность так сладко не высыпался! В прошлой жизни ради поддержания своего образа он каждый день был вынужден под давлением Системы заниматься культивацией, вставал раньше петухов и ложился позже них же. Его расписание было настолько напряженным, будто он круглые сутки готовился к экзаменам в университете. И вот наконец-то наступило освобождение!

Выспавшись, Чу Даньфэн пребывал в отличном расположении духа и ничуть не рассердился, обнаружив в своих объятиях живую подушку. Он смутно припоминал, как вчера эта малышня притащила свою крошечную подушечку и примостилась рядом, а теперь свернулась клубочком у него на груди. Маленькие ручки по-прежнему цеплялись за его пояс, а пухлые губки слегка выпятились. Чу Даньфэн не удержался и принялся тискать ребенка, сжав его губки в куриный клювик, а затем принялся тыкать пальцем в его нежные щечки.

Тьфу ты, всё-таки в детстве он был милым. При мыслях о том, во что этот неблагодарный волчонок превратится в будущем, Чу Даньфэн мысленно застонал: «Эх, оставался бы он всегда таким малышом».

От таких «домогательств» Чу Даньфэна Хуа Тинсюань быстро проснулся. Он легонько зеванул, протер глаза и, привыкнув к свету, неожиданно подскочил и в испуге затараторил: — Старший брат, я проспал! Я помешал твоей культивации!

В детях был один большой минус: из-за бурного роста они ужасно любили спать. А старший брат отличался невероятным усердием — каждый день вставал с первыми петухами и тренировался без передыху. И вот теперь из-за него всё сорвалось... Хуа Тинсюань с трепетом уставился на Чу Даньфэна.

Однако Чу Даньфэн лишь беззаботно потянулся: — Сегодня выходной, никаких тренировок.

С этими словами он широким движением откинул одеяло — и тут же оплошал.

Чу Даньфэн: — ...

Хуа Тинсюань: — ...

Заметив взгляд ребенка, Чу Даньфэн залился краской до корней волос и в одно мгновение снова натянул одеяло, укрывшись с головой.

...Какое же проклятие! Ложась вчера спать, он и помыслить не мог, что этот заморыш сюда забредет. На нем было надето лишь длинное исподнее, прикрывавшее живот, а от жары он поленился надеть нижние штаны. И вот тебе пожалуйста — всё как на ладони.

Впрочем, он быстро взял себя в руки: в конце концов, это была лишь нормальная физиологическая реакция. Утром такое случается, это можно понять. К тому же Сюань-эр — мальчишка, да и что сорванец может понимать? Успокоив себя и собираясь с невозмутимым видом замаять неловкость, он услышал отчетливый голос Хуа Тинсюаня: — Старший брат, почему твой цыплёнок опух?

...Вот же паршивец! Обязательно было давать волю своему любопытству именно в такой момент?

— Ничего! Когда вырастешь — поймешь, не спрашивай глупостей. Чу Даньфэн отличался традиционными взглядами на воспитание и подобные темы казались ему слишком стыдными для обсуждения. Напустив на себя свирепый вид, он отвел взгляд в сторону, так и не заметив мелькнувшего в глазах малыша веселья. Хуа Тинсюань находил смущенного старшего соученика невероятно милым и не удержался от желания подразнить его еще немного. С невинным и беззаботным видом он спросил:

— Когда я вырасту, у меня тоже будет так?

Чу Даньфэн был полностью уверен в своих размерах и, с трудом скрывая гордость, ответил:

— Тут уж далеко не факт!

Хуа Тинсюань мысленно прикинул всё у себя в голове и подумал: действительно, тут не поспоришь.

Впрочем, чтобы не ранить самолюбие старшего соученика, он решил промолчать.

С тех пор прошло несколько дней. Кроме нескольких слуг, подметавших дорожки, на пике Лисюй почти не появлялось посторонних. Чу Даньфэн каждый день спал до полудня, а в светлое время суток неспешно гулял по персиковой роще, любуясь цветами, или заваривал чай у бамбуковой хижины, слушая пение птиц.

Такая пресная и однообразная жизнь ленивца казалась ему удивительно приятной и вовсе не надоедала. Про себя Чу Даньфэн даже решил, что он, должно быть, самый настоящий затворник-домосед, просто раньше ему никогда не выпадало шанса проявить себя в полной мере.

Но что еще важнее, он обнаружил, что возиться с ребенком совсем не так хлопотно, как рисовалось в воспоминаниях. Чу Даньфэн смутно помнил, что в прошлой жизни этот несносный сопляк Хуа Тинсюань даже мочился в его постель. Воистину, пришлось пройти через огонь и воду, вытирая сопли и слёзы, прежде чем сбившись с ног удалось вырастить этого малолетку. Теперь же, прожив жизнь заново и вновь встретив Хуа Тинсюаня, он обнаружил, что малыш стал на удивление послушным и разумным: он не устраивал истерик без причины, не лазил по крышам, срывая черепицу, и даже выполнял посильную домашнюю работу. Каждое утро тот просыпался пораньше и старательно, пыхтя, застилал постель. Чу Даньфэн считал, что подобные перемены напрямую связаны с его личным примером и наставлениями. В прошлой жизни он слишком баловал младшего соученика, из-за чего и вырастил неблагодарного волка. Истинной оказалась поговорка: начнешь жалеть розгу — испортишь ребенка, строгий учитель воспитает искусного мастера. Детей действительно нельзя баловать.

Правда, благодаря прекрасным успехам в застилании постели, маленькая подушечка соученика постепенно и вполне обоснованно заняла свое место на кровати Чу Даньфэна, а комнату для гостей в итоге оставили пустующей.

Если не считать излишней прилипчивости, для пятилетнего малыша Хуа Тинсюань был просто образцовым ребенком во всех отношениях. Пережив эти дни в роли ленивого домоседа, Чу Даньфэн наконец-то почувствовал, что восполнил весь недосып прошлой жизни. Иногда, заглядывая в бронзовое зеркало, он даже замечал, что его цвет лица стал просто превосходным, а сам он выглядит посвежевшим и цветущим.

Отдохнув вдоволь, пришло время отправиться на прогулку и развлечься.

Чу Даньфэн знал, что от маленького прилипалы не отделаться, поэтому просто решил сам

переодеть его в выходную одежду — он собирался взять ребёнка с собой на пикник Цяньлянь.

— Старший брат собрался получать задание секты? — спросил Хуа Тинсюань.

Завязывая ему тесёмки на одежде, Чу Даньфэн ответил:

— А ты много знаешь... Никаких заданий, веду тебя в столовую поесть.

— А?

— Чего ты акаешь? Шкворчащий угорь и жареное мясо по-шэнпински в столовой нашей секты Двух Полюсов — это просто непревзойдённый деликатес. Не попробовать их — значит зря зваться учеником секты.

Говоря это, Чу Даньфэн невольно сглотнул слюну.

— Но старший брат, в последнее время ты совсем не занимался культивацией и не брал задания...

Его старший брат ведь славился своим трудолюбием — он не прекращал тренировки ни в зной, ни в стужу.

— Что толку в этой культивации? В жизни главное — еда и питьё, а вовремя наслаждаться моментом — вот что важнее всего, — он похлопал малыша по спине. — Повернись-ка, дай взглянуть. Эту одежду он нашёл в пространственном мешке, который прилагался к ребёнку, когда тотё учитель (мастер) доверил его заботам Чу Даньфэна.

Совершенно новая ученическая одежда цвета лунного света, надетая на коротышку ростом ниже меча, выглядела совсем не строго. Впрочем, Хуа Тинсюань уродился на славу: белые одежды ещё сильнее подчёркивали его кукольную красоту, и Чу Даньфэн невзначай похвалил:

— Неплохо, тебе действительно идет белый цвет.

Малышу это явно пришлось по душе, и он с легким смущением дёрнул себя за подолы одежды:

— Раз старшему брату нравится, я буду носить белое всегда.

— Белый цвет маркий, а такая ученическая форма всего одна. Моё умение очищающей воды оставляет желать лучшего, так что носи её аккуратнее... — на полуслове Чу Даньфэн вдруг осекся.

Погодите-ка, с чего это он снова так естественно завёл пластинку заботливой мамочки?! Привычка — поистине страшная вещь. Чу Даньфэн мысленно пообещал себе, что на этот раз ни за что не повторит прошлых ошибок и не станет баловать ребенка. Он очистил горло, помрачнел и с суровым видом отдернул занавеску, входя во внутренние покои.

Хуа Тинсюань на редкость не последовал за ним, а лишь задумчиво смотрел ему в спину.

Он сам разорвал пространственные врата и переродился, так почему же, встретившись со старшим братом вновь, тот так сильно изменился в характере? Если бы в него вселился чужак, он бы непременно это заметил. Так что же здесь кроется?..

Пока он размышлял, занавеска снова колыхнулась. Хуа Тинсюань на миг забыл о своих догадках — перед глазами словно вспыхнул свет.

Чу Даньфэн был облачен вовсе не в ученическую робу и не в то неизменное черное магическое одеяние, а в весеннюю рубашку из дымчатого шелка цвета воронова крыла. Голову украшал нефритовый венец цвета слоновой кости. Откуда-то он раздобыл белый бумажный веер. Раскрыв его легким взмахом руки и чувствуя себя непринужденно, он невольно тронул уголки губ легкой улыбкой. Разве это был прежний прилежный и сдержанный аскет-монах? Перед ним стоял утонченный и изящный молодой господин необыкновенной, чарующей красоты.

Чу Даньфэн хлопнул веером по ладони, складывая его, и легко стукнул Хуа Тинсюаня по макушке: — Чего застыл? Пошли, старший брат угостит тебя вкусненьким!

Последние несколько дней Чу Даньфэн только и делал, что жевал пилюли восполнения энергии, так что во рту уже давным-давно не осталось никакого вкуса. Он твердо решил от души наесться и побаловать себя нормальной едой.

В секте Двух Полюсов насчитывалось шестнадцать пиков, и каждый из них отличался от других. На таких пиках, как Чжэньюй и Куньдуань, имелись собственные небольшие кухни, однако Мэн Цанюй придерживался педагогического принципа, согласно которому учеников должно быть немного, но все они — отборные. Из-за этого на пике Лисюй царила почти пугающая тире разреженная атмосфера: по сей день все старшие братья и сестры, за исключением Чу Даньфэн и новенького малыша, уже давно перешли на полное воздержание от обычной пищи, так что мини-кухня там пустовала.

Пик Ганьянь же был главным пиком секты Двух Полюсов, и по своим масштабам пик Лисюй не мог с ним сравниться. Здесь располагались Зал проповедей, Хранилище сутр, Зал дисциплины и главный павильон главы секты. Столовая же на самом деле предназначалась для молодых адептов, еще не отказавшихся от земной еды, и находилась по соседству с Залом проповедей. Для блюд отбирали самые разные духовные травы и растения, что шло на пользу культивации.

Чу Даньфэн, впрочем, обо всем этом не заботился — он лишь хотел утолить гастрономические желания. Он так давно не ел утря в масле, что просто слюнки текли.

Даже в прошлой жизни, находясь под давлением Системы, Чу Даньфэн никогда не обделял себя в еде. По привычке он уверенно повел ребенка прямо на второй этаж.

Второй этаж был отведен под блюда из общего меню. Обстановка здесь была намного лучше, чем в просторной столовой на первом этаже, кушанья — изысканнее, а расчет производился после трапезы. Сама система обслуживания больше напоминала постоялый двор, но и цены здесь кусались. Завсегдатаями этого места были в основном внутренние ученики секты, а также знатные юноши из благородных семей, прибывшие в секту Двух Полюсов для обмена опытом.

Обжаренные до аппетитного аромата кусочки угря, окутанные золотистым густым соусом и присыпанные изумрудными перьями зеленого лука, составляли гордость столовой — знаменитого угря в раскаленном масле. Помимо него, на столе появились засахаренная свинина, свиные рулетики в медовой глазури и креветки с чайнками Билочунь. Чу Даньфэн с широким размахом заказал четыре или пять блюд, кувшин духовного чая, добавил к этому по пиале белого риса для себя и малыша и погрузился в еду с головой, наслаждаясь каждым мгновением.

Пока Чу Даньфэн увлеченно ел, Хуа Тинсюань смотрел в оба и уже заметил, что со всех сторон на них то и дело бросают взгляды. Несколько учениц даже переглянулись, зашушукались и захихикали, густо покраснев.

В прошлой жизни старший брат был всецело поглощен культивацией, совершенно не следил за своей внешностью и в итоге позволил Ли Шуэр украсть его душу. Если теперь он станет выглядеть вот так... Что же делать, если на него обратит внимание еще больше женщин?

Хуа Тинсюань помрачнел и машинально согнул пополам пару палочек из чистой стали.

— Сюань-эр, почему ты не ешь? — Чу Даньфэн оторвался от хлопот, собираясь по привычке положить ребенку кусочек мяса в медовой глазури, но тут же вспомнил собственную педагогическую установку насчет того, что нельзя баловать детей. Его палочки сделали в воздухе крутой вираж и отправили лакомство ему в рот. И все же сердце не выдержало, и он добавил: — Клади сам.

Хуа Тинсюань вытащил руку из-под стола — те палочки уже снова стали совершенно целыми и прямыми. Он послушно подцепил кусочек, рассеянно откусил крошечный краешек и, делая вид, будто его это совсем не волнует, небрежно спросил: — Старший брат, почему ты сегодня не надел то черное магическое одеяние?

Щеки Чу Даньфэна были набиты едой, и он невнятно пробормотал: — Оно слишком простое, надоело.

В прошлой жизни он служил главным фоном для сравнения с главным героем, поэтому ему полагалось оттенять великолепие протагониста. Хуа Тинсюань предпочитал белые одежды, так что ему приходилось носить черное.

Но теперь всё обстояло иначе. Чу Даньфэн твердо решил жить в свое удовольствие, наслаждаясь заслуженным отдыхом, и не собирался ущемлять себя ни в еде, ни в одежде, ни в жилье, ни в развлечениях.

После трапезы можно даже спуститься с горы и прикупить парочку модных нарядов. Да и веер тоже пора сменить: что лучше выбрать для росписи — пейзаж или цветы и птиц? А еще сладости: вяленые фрукты и цукаты из городка Хуаян у подножия горы славятся на всю округу, надо бы запастись ими впрок...

Мысленно составляя список, Чу Даньфэн вдруг кое о чем вспомнил.

Он хлопнул себя по лбу, торопливо расстегнул мешочек Цянькунь и погрузил туда духовное чутье, после чего аппетит у него пропал окончательно.

Хуа Тинсюань проницательно спросил: — Старший брат, что случилось?

Чу Даньфэн: —.....

Чу Даньфэн неловко почесал нос: — Да так, ничего... Просто... Похоже, нам и правда придется чуть позже взять какое-нибудь поручение, чтобы заработать немного духовных камней.

Крупнейший промах! Перед выходом он совсем забыл проверить свои сбережения. Неужели десяток с лишним лет назад он был настолько беден?!

Чу Даньфэн поманил рукой распорядителя трапезы и вполголоса спроил: — Скажи, можно записать в долг?

Однако не успел распорядитель изобразить на лице гримасу затруднения, как раздался крайне противный голос: — Ого, а я-то гадал, что за богатый молодой господин из благородного семейства так сорит деньгами. Оказывается, это ты.

Чу Даньфэн обернулся на звук, и его веки дернулись: вот уж поистине — встретились на узкой дорожке.

Этот человек был учеником четвертого дяди Бай Цаншаня с пика Чжэньюй. Дядя Бай придерживался в вопросах набора учеников совершенно противоположных принципов, нежели Мэн Цанюй, и его личных внутренних учеников насчитывалось никак не меньше сотни, из-за чего их качество было самым разным.

По крайней мере, Чу Даньфэн считал этого парня редкостным негодяем.

Разрушение его золотого ядра было напрямую связано с данным индивидом. Хотя это и было

прописано по воле Системы, боль от расколовшегося ядра до сих пор стояла у Чу Даньфэн в памяти свежо, так что никакой симпатии он к нему испытывать не мог.

— Младший брат Чу, какой же сегодня ветер тебя сюда занес? Неужели ты наконец соизволил снять свою черную шкуру? Впрочем, ничего страшного, если у младшего брата туго с монетами: нынче твой наряд выглядит куда соблазнительнее, чем у юношей из павильона Пьянящего аромата. С такой-то внешностью тебе точно не придется переживать, что некому будет заплатить за твой счет.

Само название павильон Пьянящего аромата ничего не говорило Чу Даньфэну, но по мерзкому тону собеседника было ясно, что ничем приличным там и не пахло. Его первой реакцией стало не выхватить меч и восстановить справедливость перед лицом Ли Баня, а протянуть руку и закрыть ребенку уши — ничего не поделаешь, за десяток с лишним лет роль папаши въелась в самую плоть.

Но мальчик уже соскочил со стула и неизвестно когда успел встать прямо перед Чу Даньфэном. Его маленькие ручки задвигались с невероятной скоростью, звонко обрушиваясь на Ли Баня, а детский голосок прозвучал на весь зал: — Не смей обижать моего старшего брата!

Грозно и по-детски сердито.

На сердце у Чу Даньфэна потеплело: этот неблагодарный щенок в детстве, оказывается, так за него горой стоял! Ну что ж, раз у малыша есть такая сыновняя преданность, значит, столько лет его кормили не зря!

Ли Бань даже опешил от неожиданного нападения ребенка. Между тем столовая была заполнена до отказа, и все вокруг принялись тыкать в него пальцами, переговариваясь вполголоса так, будто вокруг звучало: Такой взрослый бугай, а опускается до того, чтобы обижать слабого ребенка?

И никто не заметил, как тончайшая струйка черного дыма бесшумно ускользнула из ладошки слабого ребенка и впилась прямо в тело Ли Баня.

<http://bllate.org/book/20986/2130543>